

В.В. ДЕГТЯРЕВ

АРХИТЕКТОР ОГАСТЕС УЭЛБИ ПЬЮДЖИН И АНТИКВАРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Владислав Владимирович Дегтярев,

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет свободных искусств и наук,
сотрудник
Галерная ул., д. 58-60, Санкт-Петербург, 190000, Россия
E-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Реферат. Деятельность архитектора О.У. Пьюджина трактуется в литературе как ключевое явление эпохи историзма XIX века. Тем не менее, то мировоззрение, которое можно реконструировать на основе текстов Пьюджина, радикальным образом отличается от мировоззрения историзма. В данной статье делается попытка связать взгляды Пьюджина с антикварной традицией предшествующего времени и вывести из нее специфическое понимание архитектурной «правды», характерное для него, а также анализируются деятельность Пьюджина как публициста и теоретика архитектуры, его профессиональная психология и пристрастия. Отдельное место отводится рассмотрению концепций Пьюджина, изложенных в книге «Противопоставления», сделавшей автора знаменитым. Новым в развитии темы является её «антикварный» ракурс, данный в контексте обращения к интеллектуальной истории рассматриваемой эпохи и образам современников, предшественников и последователей мыслителя. Делается вывод о том, что значение Пьюджина-архитектора уступает его вкладу в теорию архитектуры, а вся творческая жизнь может быть названа удачной лишь отчасти.

Ключевые слова: архитектура, антикварная традиция, Готическое Возрождение, Пьюджин, историзм, Противопоставления.

Для цитирования: Дегтярев В.В. Архитектор Огастес Уэлби Пьюджин и антикварная традиция // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 4. С. 445–451. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-4-445-451.

Архитектор Огастес Уэлби Нортмор Пьюджин (1812–1852) считается ключевой фигурой «готического возрождения» в Великобритании XIX века. В литературе Пьюджина принято называть человеком, чья деятельность — и как архитектора, и как публициста — изменила характер неоготических стилизаций от свободной игры ассоциациями и театральной эффектности романтических образов к археологически точной реконструкции прототипов избранного периода.

Не пытаясь подвергнуть сомнению устоявшуюся трактовку творчества Пьюджина, мы намерены пролить свет на характер интеллектуальных влияний, определивших его своеобразие как архитектора и архитектурного мыслителя.

Огастес Уэлби Пьюджин [1] известен, прежде всего, как один из авторов зданий Парламента (1837–1860) в Лондоне. Однако сам архитектор эту постройку не ценил и считал ее готической декорацией на классицистическом теле [2, р. 130]. Взгляды Пьюджина на архитектуру, соответствующую критериям истинности и красоты, изложены им в трактатах «Противопоставления» (1836) и «Истинные принципы остроконечной или христианской архитектуры» (1841). Согласно Пьюджину, в здании не должно быть деталей, которые не были бы необходимы с точки зрения удобства, конструкции или приличия (*propriety*), а вся архитектурная орнаментация должна сводиться к обогащению конструкции здания. Наиболее последовательное осуществление этих принципов Пьюджин видел в готике, современный же ему классицизм он рассматривал как принципиально иллюзионистический и поэтому нравственно ущербный стиль.

Яркая, но непродолжительная деятельность Пьюджина обычно рассматривается в контексте «историзма», — явления архитектуры XIX в. [3, с. 172–174], объединяющего все попытки использования мотивов исторических стилей от романско-

го до рококо. Основной чертой историзма исследователи называют принципиальную «всеядность», ставившую выбор стилистических образцов в зависимость от функционального назначения здания или от воли заказчика. Однако вписать в эту парадигму Пьюджина, последовательного защитника готической архитектуры, и к тому же убежденного католика, напрямую связывавшего архитектурный стиль с моральными категориями и истинами веры [4, р. 18], можно только ценой больших натяжек.

Мы постараемся доказать, что мировоззрение Пьюджина не принадлежало к парадигме историзма, но всю его жизнь оставалось в рамках антикварной традиции XVII–XVIII вв., которая в ранневикторианское время уже воспринималась как заведомый анахронизм. Как успех «Противопоставлений», так и недолговечность этого успеха можно объяснить именно такой позицией человека не от мира сего, заведомого маргинала, постоянно на этой маргинальности настаивающего.

АНТИКВАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ЛИЧНОСТИ И ПРИНЦИПЫ

Под антикварной традицией мы, в соответствии с принятым в англоязычной литературе словоупотреблением, намерены понимать совокупность вспомогательных исторических дисциплин (Pre-history studies): краеведческих, генеалогических, эпиграфических и, в определенной степени, архитектурных.

Антикварные исследования и сочинения были заметным явлением в интеллектуальной жизни Англии с середины XVI до конца XVIII или даже до начала XIX века. Как отмечает Грэм Перри, стимулом возникновения антикварного движения послужило обострившееся во времена Реформации национальное чувство и необходимость обосновать историческую преемственность англиканской церкви [5, р. 2]. В более приземленном смысле антикварные исследования были вызваны к жизни тем самым упразднением монастырей, о котором так сожалел Пьюджин, но которое привело к необходимости учета и классификации изъятых из этих монастырей ценностей. Первым антикварием (если воспользоваться одноименным названием романа Вальтера Скотта, вышедшего в 1816 г.) считается Джон Леланд, бывший католический священник, которому Генрих VIII поручил собирать книги из монастырских библиотек.

Даже королевский архитектор Иниго Джонс (1573–1652) отдал дань антикварным исследованиям, написав книгу [6], посвященную Стоунхенджу (опубликована в 1655 году) [7, с. 119–124]. Крупнейшими антиквариями XVII в. были сэр Генри Спелман и сэр Уильям Дагдейл. И хотя историей архитектуры специально не занимался ни тот, ни

другой, их вклад в изучение английских монастырей и церквей трудно переоценить. «Монастырской истории, — пишет Перри, — до XVII века не существовало, ее изобрели сами антиквари» [5, р. 10]. Все генеалогические разыскания неизбежно приводили к церковным архивам, все вопросы землевладения упирались в изъятие церковной собственности. Волей-неволей антикварам пришлось обращаться к записям о монастырском хозяйстве и церковном имуществе.

Спелман (ок. 1562–1641) был юристом, занимавшимся историей земельной собственности и это занятие привело его к вопросу о переходе церковных земель в другие руки. Итогом разысканий Спелмана стало, по словам Перри, убеждение в том, что «каким бы способом аббатства ни передавали короне свою собственность... сам процесс был незаконным, неканоничным и нечестивым. Реформация церковного учения и обихода была необходима, но грабеж явился оскорблением Божьего величия» [5, р. 162].

Основной труд Спелмана, который автору не удалось напечатать при жизни, носит название «История и судьба святотатства» [8], причем исторический обзор святотатств начинается едва ли не с Сотворения мира. Как замечает Перри, «перечисление примеров становится утомительным еще тогда, когда речь идет о древности, но Спелман продолжает, пока не достигнет своей главной цели — роспуска монастырей. “Я перехожу сейчас от отдельных потоков к океану беззакония и святотатства, где король Генрих VIII... разогнал и разорил, словно враг, тысячи и тысячи церквей и часовен, посвященных Богу”» [5, р. 164–165; 8, р. 206]. Этот язык послужил прямым стилистическим образцом для Пьюджина, писавшего «Противопоставления».

Сочинениям сэра Уильяма Дагдейла (1605–1686), прежде всего «Monasticon Anglicanum» [9], Пьюджин обязан осознанием того, что структура современного ему общества в значительной степени определена средневековыми институтами.

Дагдейлу выпал жребий жить и действовать во время английской революции, которая во многих отношениях стала повторением Реформации: «То, что пуритане стремились уничтожить, было для антиквариев рабочими материалами: гербы, надписи, передававшие подробности родственных связей и любого рода церковные записи... Церкви были архивными центрами приходов и деревень... Записям — не только бумажным, но и сохранявшимся в камне, стекле и бронзе — теперь грозило уничтожение» [5, р. 221].

По словам Грэма Перри, «нельзя сказать, что в его (Дагдейла — В. Д.) книгах содержатся какие-то идеи, разворачивается аргументация, обосновываются мнения. Это объективные, приземленные компиляции... Всю свою жизнь Дагдейл стремил-

ся записать прошлое как оно есть и сберечь о нем беспристрастную память» [5, р. 226]. Позиция антиквария проявлялась не в его прямых высказываниях (которых не было), а в выборе предмета, которому он посвящал свои труды: «...сам выбор темы предполагал, что монашеское движение заслуживало уважения и даже восхищения» [5, р. 227].

Точно так же и иллюстрации появились не как следствие какой-то продуманной программы, а как средство фиксации данных. В сущности, то, что первый том «Monasticon», вышедший в 1655 г., стал первой иллюстрированной антикварной работой [5, р. 374], было случайностью, хотя для позднейшей культуры эта случайность оказалась на редкость благоприятной. Не будет преувеличением сказать, что ценность труда Дагдейла для нас определяется помещенными в книгу гравюрами Венцеслауса Холлара (1607–1677), выходца из Богемии, работавшего в то время в Лондоне.

«Холлар, — поясняет Перри, — был идеальным иллюстратором антикварных изданий: исключительно наблюдательным, понимающим архитектуру, и, к тому же, изящным рисовальщиком. Его мягкие линии создают ту смутную атмосферу ностальгии, которая кажется столь подходящей для таких предметов» [5, р. 233–234]. Благодаря участию Холлара «Monasticon» заложил стандарт антикварных исследований в области архитектуры.

В XVIII в. антикварная традиция переживает некоторый упадок [10, р. 50–51], причем историк Стюарт Пигготт полагает, что ответственным за этот упадок был Хорас Уолпол, без упоминания которого не обходится ни одна история «готического возрождения». Уолпол, богатый дилетант, коллекционер и отчасти писатель, построил (при участии нескольких архитекторов) замок Строберри-Хилл, задуманный им как каталог готических форм, оторванных от своего исторического содержания (книжные шкафы в виде готических порталов и т. д.) [3, с. 165]. Такой же произвольностью в обращении с прошлым отличались и его антикварные сочинения. К началу следующего столетия антикварий предстает в общественном сознании комической фигурой — восторженным и легковерным чудачком, помешанным на «редкостях» любого рода. Это отношение зафиксировано Диккенсом в том эпизоде «Записок Пиквикского клуба» (1836–1837), где мистер Пиквик находит якобы древнюю надпись на камне [7, с. 1–2].

Принципиальное различие между антикварными исследованиями и «историями» (точнее, историографиями) раннего Нового времени заключается в сознательном отказе антиквариев от создания того, что мы сейчас назвали бы «большими нарративами», в пользу непредвзятых описаний [11]. Поэтому в момент зарождения современных представлений о философии истории антикварии автоматически становились предметом насмешек как

любые представители устаревшего или ретроградного типа сознания. Впрочем, для Пьюджина такие соображения ничего не значили.

О. ПЬУДЖИН: БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Огастес Уэлби Нортмор Пьюджин, родившийся 1 марта 1812 г. в Лондоне, был весьма колоритной, хотя и противоречивой личностью. Вундеркинд, начавший профессиональную деятельность в 15 лет, и одновременно неудачник, переживший свой успех; театральный декоратор и архитектор, отрицающий всякую театральность в архитектуре; плодовитый писатель, повторяющий одну и ту же мысль; и, наконец, искренний католик, умерший в сорок лет от последствий сифилиса, — таковы некоторые из его обликов. Во всяком случае, искренним он был всегда.

Огастес Чарльз Пьюджин (Огюст-Шарль Пюжен, 1762–1832), отец нашего героя, был французским эмигрантом, открывшим в Англии частную художественную школу, и, одновременно, рисовальщиком у архитектора Джона Нэша, специализировавшимся на готических деталях. Помимо этого, Пьюджин-старший проиллюстрировал множество увражей, посвященных готической архитектуре Англии и Франции, а также сборников с видами Лондона и типами его обитателей. Пьюджин-сын получил образование в отцовской художественной школе и дополнил его изучением антикварных сочинений XVI–XVII веков.

Знакомством с английской антикварной литературой он был обязан Эдварду Джеймсу Уиллсону (1787–1854), соавтору некоторых книг Пьюджина-старшего, посвященных готике. Считается, что к 30-м годам XIX в., когда начиналась активная деятельность Пьюджина, антикварная традиция находилась в состоянии кризиса, но это был кризис, приводящий к переходу в новое качество. Именно к этому времени относятся первые серьезные попытки построения хронологии готической архитектуры. Среди сочинений антиквариев того времени, посвященных готике, следует назвать «Древнюю архитектуру Англии» Джона Картера (1795) и «Древности соборов Великобритании» Джона Бриттона (1814–1835). Одним из крупных антикварных проектов позднегеоргианского времени стала книга, точнее — большой альбом, «Образцы готической архитектуры», с предисловием Уиллсона и иллюстрациями Пьюджина-отца (1 том с посвящением архитектору Джону Нэшу, у которого много лет работал старший Пьюджин, вышел в 1821 г.) [12]. Как следует из названия, это издание представляло со-

О.У.Н. Пьюджин. Вид английского города в 1440 году. Иллюстрация из издания [13].

бой собрание обмерных чертежей разнообразных деталей готических построек с профилями, разрезами, планами и т. д.

Необходимо признать, что значение О.У. Пьюджина как архитектора уступает его влиянию на архитектурную теорию. Самое яркое из его архитектурных достижений — построенные в соавторстве с сэром Чарльзом Барри (1795—1860) здания Парламента в Лондоне. Пьюджин-сын был нужен классицисту Барри как рисующий антикварий, специалист по готическому декору (точно такую же роль исполнял Пьюджин-старший в мастерской Нэша). Сотрудничество Пьюджина и Барри, бывшее плодотворным, но не лишенным осложнений, длилось в общей сложности 11 лет (1835—1836 и 1844—1852 годы). Пьюджину принадлежит оформление фасадов в стиле перпендикулярной готики и интерьеры, Барри — все остальное.

Известность приходит к Пьюджину в 1836 г., когда он издает (за собственный счет) свою первую книгу — «Противопоставления» (Contrasts) [13], сделавшую его знаменитым. Как ни странно, это сочинение, которое иногда называют первым архитектурным манифестом [14], посвящено вовсе не архитектуре, а насильственному разрушению прекрасного и гармоничного средневекового мира. «Чтение “Истории и судьбы святотатства” Генри Спелмана и трудов Уильяма Дагдейла, — пишет Розмари Хилл в своей подробной биографии нашего героя, — внушило Пьюджину исключительно тенденциозный взгляд на историю. В этих текстах... Реформация представляла ключевым событием английской истории, вызвавшим трансформацию всего устройства общества... Наиболее глубокое и прочное впечатление на Пьюджина произвел Дагдейл. ...Дагдейл пишет свой “Monasticon Anglicanum” как реквием по утраченным сокровищам монастырей. Англия до Реформации предстает в книге ландшафтом,

состоящим из готических монастырей и церквей, миром, полным благочестия и гармонии, который был жестоко и незаконно разрушен Генрихом VIII» [1, р. 122—123]. Все эти сантименты воспроизводятся Пьюджином, как и сам язык XVII века.

Современные авторы склонны считать «Противопоставления» иллюстрированной книгой, но это не вполне верно. Большая часть иллюстраций расположена в конце книги как приложение, с текстом они напрямую не соотносятся и не комментируют его. Исходя из иллюстративного материала, можно приписать Пьюджину широкую программу эстетической и социальной критики, хотя ничего подобного в тексте «Противопоставлений» нет: ни развернутого описания средневекового общества, ни изложения причин, в силу которых Пьюджин отвергает современную эстетику (кроме сетований на возрождение язычества в эпоху Ренессанса), мы у Пьюджина не найдем.

Пары «противопоставлений» (в конце книги их 15, во втором издании 1841 г. появляется еще одна — в тексте, во 2 главе) образуют самостоятельный сценарий в духе «было-стало»: средневековый город со шпилями церквей и современный, с фабричными корпусами, нарядные фасады XV в. и скучные здания 1830-х гг. и т. д. Общественные нравы ставятся в зависимость от состояния архитектуры — так жизнь, показанная среди готических декораций, исполнена красоты и достоинства, а современность оказывается настолько же холодной и жестокой, насколько ее архитектура примитивна. Любопытно, что этот сценарий ведет начало от титульного листа дагдейловского «Monasticon», гравированного Холларом. Там в нижней части композиции помещены парные изображения: слева благочестивый король, преклоняющий колена перед алтарем со словами «Богу и церкви», с правой — узнаваемый Ген-

О.У.Н. Пьюджин. Вид английского города 1840 году. Иллюстрация из издания [13].

рих VIII, произносящий «Так хочу» и указывающий жезлом на полуразрушенный собор (тот же самый, что был виден в окно на первой композиции).

Другие сочинения Пьюджина, важнейшие из которых — «Истинные принципы остроконечной или христианской архитектуры» (1841) и «Апология возрождения христианской архитектуры в Англии» (1843) следуют той же логике, что и «Противопоставления». Готическая архитектура — единственно христианская, поэтому ее нужно изучать и возрождать.

Неприязнь, которую Пьюджин испытывал к архитектурному истеблишменту георгианского времени, также происходила из антикварной традиции. «В 1830-е годы, — говорит Розмари Хилл, — существовало естественное различие между профессиональными архитекторами, получившими образование в мастерских (других архитекторов — В. Д.) и работающими во многих стилях, включая готический, и антиквариями, подобными Уиллсону, знатоками готики... Для Пьюджина это различие не сводилось к профессиональной деятельности. Это было нравственное различие. Профессиональные архитекторы были циничны, невежественны и работали ради денег. Антикварию же были преданы своему предмету, как ученые» [1, р. 97]. Можно предположить, что преданность антиквариев истине была формой дилетантизма. В любом случае они были скорее писателями, нежели строителями, критиками, далекими от архитектурной практики, хоть и выступавшими иногда (как тот же Уиллсон) в роли архитекторов. Хилл утверждает, что сотрудничество Пьюджина и Барри на строительстве Зданий парламента примирило две соперничающие партии, однако с большей вероятностью это примирение можно отнести на счет создания Института британских архитекторов, объединив-

шего под одной крышей и тех, кто строит, и тех, кто пишет о постройках.

Дэвид Уоткин [4, р. 17–18], замечая, что Пьюджин приравняет архитектурный стиль к истинам веры (и что в XX в. такой способ рассуждения об архитектуре станет общепринятым), не учитывает, что в книгах, на которых Пьюджин учился, готика и католичество преподносятся как разные стороны одной культуры, уничтоженной бедствием, пришедшим извне. Судя по всему, отчуждение стиля от личности строителя было для Пьюджина столь же противоестественной вещью, как произвол короля в конфессиональных вопросах. Эклектизм английской архитектуры XVIII — начала XIX в., в которой «готические» стилизации (а затем «индийские», «персидские» — примером которых служит Брайтонский павильон Джона Нэша) занимали гораздо более значительное место, чем в современной ей русской, был постоянной мишенью для сатирических выпадов Пьюджина. Так, одна из иллюстраций в «Противопоставлениях» имитировала объявление, рекламирующее конкурс на новую церковь «на 8000 сидячих мест, в готическом или елизаветинском стиле» (параллельно рекламе конкурса шла реклама архитектурных деталей по низким ценам). Любопытно, что основным условием конкурса на новые здания Парламента был как раз готический или «елизаветинский» стиль. Вряд ли эта параллель случайна.

Дальнейшую деятельность Пьюджина можно назвать невольным возвращением к началу. Сотрудничество с Барри, тяготившее обоих архитекторов, пришлось возобновить, поскольку архитектурных заказов у Пьюджина с течением времени становилось все меньше, а необходимость быть декоратором зданий, построенных его же эпигонами, чрезвычайно его тяготила. Антикварная стадия «готического возрождения», вдохновленная Пьюджином, уложи-

лась в неполные полтора десятилетия. Уже в 1849 г. началось строительство церкви Всех Святых на Маргарет-стрит в Лондоне по проекту Уильяма Баттерфилда — новаторского и необычного для того времени здания, дух которого был Пьюджину совершенно чужд. Пьюджин умер разочарованным, за несколько месяцев до смерти выполнив проект часовой башни, известной как Биг Бен.

Если пытаться рассуждать о месте Пьюджина среди деятелей «готического возрождения», неизбежен вывод о том, что абсолютной противоположностью нашему герою окажется французский архитектор и теоретик Эжен-Эммануэль Виолле-ле-Дюк (1814–1879). Историк архитектуры Николаус Певзнер написал книжку, в которой противопоставлял Виолле и Рескина, причем Рескин у него оказывается ретроградом, а Виолле прогрессистом [15]. Нам кажется, что оппозиция «Пьюджин — Виолле» будет более естественной, выдержанной практически в духе «Противопоставлений» самого Пьюджина. Позицию Виолле-ле-Дюка, сильно упрощая, можно свести к утверждению об отсутствии связи между эстетической и конструктивной сторонами готики и католичеством. В глазах Виолле готическая архитектура и ее создатели парадоксальным образом оказываются прямым предвосхищением XIX в. с его идеями прогресса и эмансипации трудящихся, а тот факт, что большая часть готических построек — церковные здания, он объявлял несущественным и едва ли не случайным. Для Виолле «дух готики» оказывается комплементарным духу XIX в., т. е. он, в отличие от Пьюджина, был последовательным историком, мыслящим в категориях старого и нового (а не истинного и ложного, как Пьюджин).

Если Виолле мог писать о «приспособлении» готики к современности, то лишь потому, что он не пытался отождествить современность и Средневековье: в его сознании эти два понятия были четко разделены. Исторические рассуждения о возможности адаптации исторических стилей к современным условиям исходят из представления о том, что мы знаем, каковы эти условия, и понимаем, чем они отличаются от условий иных эпох. В этом состоит наше отличие от носителей антикварного сознания, подобных Пьюджину. Большой нарратив в гегелевском духе и составляет наше представление об истории, об исторической ситуации, в которой мы находимся, а также о невозможности возвращения назад. Пьюджину все эти предписания и ограничения были неизвестны. «Конечно, Англия — не совсем та, что в XIV веке, — говорил он лорду Шрусбери, — но мы можем вернуть ее обратно» [16, р. 48].

Как пишет Грэм Перри о деле жизни сэра Генри Спелмана, пытавшегося реформировать современное ему право через обращение к истории законодательства, «подобно большинству амбициозных ан-

тикварных проектов, оно удалось только отчасти» [5, р. 157]. Эта оценка будет справедливой и в отношении жизни и деятельности Пьюджина.

Список источников

1. Hill R. God's Architect. Pugin and the Building of Romantic Britain. London : Penguin, 2007. 610 p.
2. Clark K. The Gothic Revival. An Essay in the History of Taste. New York : Harper & Row, 1974. 240 p.
3. Иконников А.В. Историзм в архитектуре. Москва : Стройиздат, 1997. 560 с.
4. Watkin D. Morality and Architecture. Chicago : University of Chicago Press, 1984. 126 p.
5. Parry G. The Trophies of Time. English Antiquarians of the Seventeenth Century. Oxford-New York : Oxford University Press, 2007. 382 p.
6. Jones I. The most notable Antiquity of Great Britain, vulgarly called Stone-Heng on Salisbury Plain. London : James Flesher, 1655. 140 p.
7. Vine A. In Defiance of Time. Antiquarian Writing in Early Modern England. Oxford-New York : Oxford University Press, 2010. 244 p.
8. Spelman H. The history and fate of sacrilege, discover'd by examples of Scripture, of heathens, and of Christians; from the beginning of the world, continually to this day. London : Masters, 1853. 466 p.
9. Dugdale W. Monasticon Anglicanum, or, The history of the ancient abbies, and other monasteries, hospitals, cathedral and collegiate churches in England and Wales. With divers French, Irish, and Scotch monasteries formerly relating to England. London : Keble, 1693. 400 p.
10. Piggott S. Ruins in a Landscape. Essays in Antiquarianism. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1976. 220 p.
11. Momigliano A. Ancient History and the Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 13. No. 3/4 (1950). P. 285–315.
12. Pugin A., Willson E.J. Specimens of Gothic Architecture; selected from various Ancient Edifices in England: consisting of Plans, Elevations, Sections and Parts at large; calculated to exemplify the various Styles, and the Practical Construction of this Admired Class of Architecture. Vol. 1. London : Nattali, 1821. 314 p.
13. Pugin A.W. Contrasts: or, A Parallel between the Noble Edifices of the Fourteenth and Fifteenth Centuries, and Corresponding Buildings of the Present Day; Shewing (sic!) the Present Decay of Taste. London : Published by the Author, 1836. 136 p.
14. Hill R. Pugin, God's Arcitect // The Guardian. 2012, 24 february. URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/feb/24/pugin-gothic-architect> (дата обращения: 12.05. 2017).
15. Pevsner N. Ruskin and Viollet-le-Duc. Englishness and Frenchness in the Appreciation of Gothic Architecture. London : Thames and Hudson, 1969. 48 p.
16. Crook J.M. The Dilemma of Style. Architectural Ideas from the Picturesque to Post-Modernism. Chicago : University of Chicago Press, 1987. 348 p.

ARCHITECT AUGUSTUS WELBY PUGIN AND THE ANTIQUARIAN TRADITION

VLADISLAV V. DEGTYAREV

Saint Petersburg State University, 58-60, Galernaya Str.,
Saint Petersburg, 190000, Russia

E-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Abstract. *Augustus Welby Northmore Pugin's work is frequently seen as the central phenomenon of historicist architecture of the 19th century. Nevertheless, the historicist paradigm differs greatly from what is deduced out of Pugin's writings. The aim of the following paper is to clarify Pugin's relations with the antiquarian tradition of the previous centuries and to derive his notion of "truthfulness" in architecture from this tradition. There is also analyzed Pugin's work as a writer and theorist of architecture, his professional psychology and leanings. A special place is given to consideration of Pugin's conceptions described in his book "Contrasts", which made the author famous. What is new in the development of this topic, it is its "antique" angle, given in the context of appeal to the intellectual history of that period and images of the contemporaries, predecessors and followers of the thinker. The article concludes that the value of Pugin as an architect is inferior to his contribution to the theory of architecture, and his creative life in whole can be called successful only partly.*

Key words: architecture, antiquarian tradition, Gothic Revival, Pugin, historicism, Contrasts.

Citation: Degtyarev V.V. Architect Augustus Welby Pugin and the Antiquarian Tradition, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 4, pp. 445–451. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-4-445-451.

References

- Hill R. *God's Architect. Pugin and the Building of Romantic Britain*. London, Penguin Publ., 2007, 610 p.
- Clark K. *The Gothic Revival. An Essay in the History of Taste*. New York, Harper & Row Publ., 1974, 240 p.
- Ikonnikov A.V. *Istorizm v arkhitekture* [Historicism in Architecture]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1997, 560 p.
- Watkin D. *Morality and Architecture*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1984, 126 p.
- Parry G. *The Trophies of Time. English Antiquarians of the Seventeenth Century*. Oxford-New York, Oxford University Press Publ., 2007, 382 p.
- Jones I. *The most notable Antiquity of Great Britain, vulgarly called Stone-Heng on Salisbury Plain*. London, James Flesher Publ., 1655, 140 p.
- Vine A. *In Defiance of Time. Antiquarian Writing in Early Modern England*. Oxford-New York, Oxford University Press Publ., 2010, 244 p.
- Spelman H. *The history and fate of sacrilege, discover'd by examples of Scripture, of heathens, and of Christians; from the beginning of the world, continually to this day*. London, Masters Publ., 1853, 466 p.
- Dugdale W. *Monasticon Anglicanum, or, The history of the ancient abbies, and other monasteries, hospitals, cathedral and collegiate churches in England and Wales. With divers French, Irish, and Scotch monasteries formerly relating to England*. London, Keble Publ., 1693, 400 p.
- Piggott S. *Ruins in a Landscape. Essays in Antiquarianism*. Edinburgh, Edinburgh University Press Publ., 1976, 220 p.
- Momigliano A. Ancient History and the Antiquarian, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, vol. 13, no. 3/4 (1950), pp. 285–315.
- Pugin A., Willson E.J. *Specimens of Gothic Architecture; selected from various Ancient Edifices in England: consisting of Plans, Elevations, Sections and Parts at large; calculated to exemplify the various Styles, and the Practical Construction of this Admired Class of Architecture*, vol. 1, London, Nattali Publ., 1821, 314 p.
- Pugin A.W. *Contrasts: or, A Parallel between the Noble Edifices of the Fourteenth and Fifteenth Centuries, and Corresponding Buildings of the Present Day; Shewing (sic!) the Present Decay of Taste*. London, Published by the Author, 1836, 136 p.
- Hill R. Pugin, God's Architect, *The Guardian*, 2012, 24 February. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2012/feb/24/pugin-gothic-architect> (accessed 12.05. 2017).
- Pevsner N. *Ruskin and Viollet-le-Duc. Englishness and Frenchness in the Appreciation of Gothic Architecture*. London, Thames and Hudson Publ., 1969, 48 p.
- Crook J.M. *The Dilemma of Style. Architectural Ideas from the Picturesque to Post-Modernism*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1987, 348 p.